

Стоянка поезда

всего минута

Пройдя обязательный досмотр, Лиза глянула на часы и замедлила шаг: «Уф, успеваю!» Все-таки правильный выбор — метро. Подземка, и только подземка, иначе ничего не рассчитать. Модное слово «трафик» прочно и навсегда вошло в жизнь москвичей.

До отправки поезда оставалось почти пятнадцать минут. Точнее, тринадцать. Серо-красный красавец «Сапсан» уже стоял на положенном месте. Задержек с ним не бывает. Лиза шла по перрону, поглядывая на себя в отражении чистейших, сверкающих окон. «А еще ничего, — усмехнулась она, — для моих «баба ягодка опять» вполне себе вполне, как говорила мама». Это выражение давно стало семейным. Да, вполне себе вполне! Прямая спина, гордая посадка головы, особенно если выпрямить спину и чуть откинуть голову назад. Мама, бывшая балерина, дочке спуску не давала: «Спина, Лизка, спина! И шея! Держи спину и будешь царицей!»

Животик к спине не прилипает, только если втянуть. Но совсем чуть-чуть, без напряжения. Подумаешь! Она не девочка, а рожавшая женщина. В каком-то журнале Лиза прочла, что идеальный женский живот выглядит как перевернутая суповая тарелка. Выходит, у нее все отлично. Да, все отлично — и волосы, покрашенные в рыжину, и кожа. И ноги — балетные, мамины, длинные и сильные. Повезло. А вот все остальное от папы: широкая кость, крупная кисть, не узкие плечи.

— Шурик, тебе не скрыть деревенского происхождения! — шутила мама.

— А я и не пытаюсь, — обижался отец.

Из-за этой широкой кости Лизу не взяли в балет. Как ни упрашивала мама знакомых на приемной комиссии, ей твердо ответили «нет». Слишком высокая, слишком крупная, слишком широкая.

А Лиза и отец были счастливы — ура! Ура, что не взяли! Видели мамины муки и пахоту — нет уж, извините! И вечные страдания по поводу недоставшейся партии, и интриги, и зависть — все темное закулисье. В общем, Лизе повезло — в балет она не стремилась.

Дорожная сумка оттягивала руку. И мама, и дочь уговаривали ехать с чемоданом. Но даже самый маленький чемодан был бы по-

лупустым — ее поездки в Питер, как правило, были двухдневными.

Лиза подошла к восьмому вагону и окончательно успокоилась. Проводница, похожая на стюардессу, проверив электронный билет, улыбнувшись, пожелала хорошей поездки.

Лиза зашла в вагон и стала пристраивать дорожную сумку. «Да, мои правы, надо было брать чемодан! Вещей, как всегда, набралось. Это в молодости можно было сорваться в чем была, что на тебе надето! Но не сейчас».

Сколько же всего женщине надо! Кремы, дневной, ночной и под глаза. Крем для рук. Лосьон для снятия макияжа. Духи, дезодорант. Салфетки влажные и сухие. Лак и смывка для лака — вдруг ноготь облезет или, того хуже, сломается. Брашинг для укладки. Слава богу, отпала потребность возить с собой фен — в гостиницах он был всегда. Две пары трусиков, два лифчика. Ночнушка — Лиза усмехнулась, — хотя навряд ли она понадобится. Но на всякий случай: Питер город промозглый, а она большая мерзлячка. Ну и таблетки — от головной боли, от живота, от женских проблем. Теперь она ездила с полным набором.

А еще одежда. Две смены уж точно — легкое, теплое, туфли на каблуке, балетки, любимые джинсы, нарядное платье. Плюхнувшись в удобное кресло и сбросив туфли, Лиза вытянула уставшие ноги — она всегда брала место

у окна. Эти четыре часа в «Сапсане» она обожала. Отдых, передых, пауза — как вам угодно! Но за эти четыре часа можно расслабиться и постараться ни о чем не думать. Правда, мысли всегда лезли в голову. Но подремать, почитать журнал, покопаться в телефоне, попить кофе — все это можно! А главное — не бежать, не торопиться. В общем, счастье.

Да, конечно, у нее бывают выходные. Но в эти дни ее ждут обычные хозяйственные дела: уборка, стирка и глажка, магазины, обед для Маруськи, хотя бы дня на три. У плиты Лиза старалась не задерживаться, считая, что тратить время на готовку — занятие пустое и непродуктивное. По-быстрому сделать что-нибудь легкое, например, запечь лосось или курицу, сварганить супчик, овощной или куриный. В общем, суббота проходила в домашних хлопотах. А вечером поездка к маме, иначе не сносить головы.

В воскресенье наконец можно отоспаться, отваяться до ломоты в спине, долго и бестолково бродить по квартире, застывать у окна и снова мечтать об одном — рухнуть в родную кровать. Но вряд ли — как правило, объявлялись Сонька или Дашка, и начинались уговоры. Сонька вопила, что надо пойти в кабак, чтобы почувствовать себя женщиной. Да, да, нарядиться, накраситься, встать на каблучки и — вперед, под обстрел мужских взглядов!

— Какой там «обстрел»! — пыталась остановить ее Лиза. — Ты спятила? Мы ж почти бабушки! И уж точно тетки! Ты оглянись, сколько вокруг молодых! Обстрел! Рассмешила.

Но засидевшаяся дома с детьми подруга продолжала настаивать.

Сонька не работала, у нее имелся небедный и успешный муж. Дом ей надоел до чертиков, несмотря на домработниц и нянь, ну и вообще Сонька давила. Всегда. Сопrotивляться ей было сложно.

Лизе, ежедневно наряжавшейся, ежедневно встающей на каблуки и ежедневно накладывающей макияж, хотелось побыть дома. В халате и тапках, с умытым лицом.

Дашка, разумеется, предлагала культурную программу — концерт или выставку, театр или на крайний случай кино. Она злилась:

— Твоей Соньке только б пожрать! Нет, Лиз! Мы же приличные женщины — сначала пир духа, а уж потом все остальное. Вот после культурной программы можно зайти в кондитерскую и выпить кофе с пирожными.

Дашка была одинокой, ни мужа, ни детей. Деньги, конечно, считала — сколько зарабатывает врач в поликлинике? Жизнь Лизиных душевных подруг — Дашка — со школы, а Сонька и того раньше, с самого детства, с детского сада, — была такой разной. Какое там понимание!

Впрочем, Дашка всегда злилась на Соньку, презрительно называя ее нуворишкой. Лучшие подружки, они ревновали друг друга всю жизнь. И вечно делили бедную Лизу.

Сонька была громкой, напористой, даже нахальной. Дашка настаивала, что все это деньги. Именно деньги сделали Соньку такой. Лиза считала, что деньги ни при чем. Уже в четыре года Сонька, коренастая, плотная, была заводилой и командиром, самой напористой, громкой и непослушной в детсадовской группе. От отца-армянина ей достались черные, как южная ночь, глаза, смоляные густые волосы и выдающийся нос. Впрочем, нос она исправила как только закончила школу.

Сонька росла в достатке — папа дантист, мама бухгалтер. И где — в самом ГУМе. У Соньки всегда были лучшие тряпки, лучшие курорты и лучшая еда в холодильнике. Она не знала, что такое жить на зарплату.

Дашка — полная противоположность. Тихая, скромная, молчаливая. Пепельная блондинка с серыми глазами, худенькая, как веточка.

Дашка жила с мамой, тихой и скромной женщиной, корректором в журнале «Работница». Жили они более чем скромно — что там зарплата корректорши? Дашка с гордостью говорила: «Мы не из тех, кто умеет жить!» Лиза понимала, что это камень в Сонькин огород.

Сонька рано вышла замуж — сосватали армянские родственники. Сосватали очень удачно — муж, не без помощи обеспеченной родни, большого и дружного клана, быстро разбогател, и через два года Сонька стала владелицей хором на Сретенке и коттеджа на Новой Риге. Двухкомнатный кооператив в районе Калужской, построенный папой-дантистом, продавать не пришлось — зачем, денег хватало. Его оставили «на потом», «для девочек», Сонькиных дочек — Анаит, которую все звали Анькой, и Дианки. Обе получились красотками. Сонька ныла, что дети забрали ее молодость и лучшие годы, жила в вечной войне с прислугой и нянями, дни проводила в салонах красоты и магазинах, а вечером падала с ног: «Как я устала!»

Сонька воплотила в себе все черты новых русских жен, но яростно от этого отбивалась: «Я? Да вы что? Идиотки!»

В Соньке многое раздражало — и фанфаронство, и нахальство, и нежелание знать, что бывает не так, по-другому. Но Сонька была частью жизни, счастливым детством, закопанными секретиками с разноцветной фольгой, с коллекцией картинок от жвачки и жаркими вральными перешептываниями во время тихого часа — Сонька всегда была фантазеркой. И еще она была доброй, отзывчивой, готовой в ту же минуту прийти на помощь. И не была болтливой — прекрасное качество!

Дашка жила в Сокольниках, в квартире, завещанной бабушкой. У нее время от времени случались небольшие романы, но чтобы серьезно, до ЗАГСа, увы, не случилось.

После тридцати Лиза и Сонька уговаривали Дашку родить. Но та отвечала жестко:

— Без отца? Никогда. Я сама росла без отца и помню все свои комплексы.

Глупость, конечно.

Вот Лизин отец, здоровый и крепкий спортивный мужчина с отличными, как все считали, деревенскими генами, скоропостижно скончался, когда ей было пятнадцать.

На похороны съехалась вся подмосковная родня, и кто-то сказал — Москва его ваша сломала, переломила хребет.

Глупости. Отец обожал город и быстро в нем прижился. Да и деревенским простачком он не выглядел — высокий, благообразный, фактурный мужчина.

Кажется, мама его всегда ревновала.

После его ухода и Лиза и мама были раздавлены — как же так? Отец был всегда силой, защитой, кормильцем.

Спустя четыре года Лизина мать неожиданно вышла замуж за старого поклонника, скрипача из театрального оркестра, вдовца. Обиду свою Лиза скрыла, понимая, что она скоро уйдет в свою жизнь, оторвется, и мама останется совершенно одна.

Скрипач был человеком тихим и Лизу не беспокоил, но его присутствие в квартире, где раньше жил папа, было невыносимым. В девятнадцать Лиза выскочила замуж, но не для того, чтобы сбежать из дома, а по огромной любви.

После свадьбы, дурацкой и пышной, сытой и пьяной, купеческой, молодые, на радость скрипачу, сразу уехали в квартиру молодого мужа — на выселках, у самой Кольцевой, зато в свою. Спасибо свекрам.

Лиза глянула на часы — до отправления поезда осталось всего три минуты. Через три минуты поезд отправится, а через четыре часа с небольшим она выйдет на Московском вокзале.

Лиза прикрыла глаза, но тут же открыла — на соседнее сиденье кто-то плюхнулся. Не сел, а именно плюхнулся, с громким вздохом и ворчливым бурчанием.

Лиза глянула на ворчунью — это была ярко-рыжая, очень худая, даже костлявая, женщина с бледным, острым лицом, усыпанным редкими, крупными и темными веснушками. Рыжие волосы были закручены в небрежную гульку, на лице ни грамма косметики, руки некрасивые, натруженные, рабочие. В общем, тетенька не из офисных. Старые, провисшие на заднице джинсы и простая, «бесхитростная», как сказала бы мама, майка, выгоревшая,

блеклого сиреневатого цвета, промокшая под мышками.

Незнакомка еще долго ерзала, суетливо перекладывая сумку с места на место, пару раз бегло глянула в телефон и наконец утомилась, достала из сумки салфетку и вытерла влажное от пота лицо.

— Еле успела! — доверчиво поделилась она. — Прямо задрали!

Кто «задрал» Рыжую — так Лиза окрестила соседку, — уточнять не хотелось. Вежливо кивнув, она отвернулась к окну.

Уже тронулся поезд, а два места напротив по-прежнему оставались незанятыми.

Завибрировал выключенный телефон — Маруся.

— Мам, ты уже в поезде?

— Уже тронулись.

— Кто тронулся? — сострила Маруся.

— Да все, — в тон ей ответила Лиза. — Я, кажется, точно.

— Ты — нет, — уверенно ответила дочь. — Ты, мам, в порядке! И вообще, расслабляйся и отдыхай! Ни о чем не думай, слышишь? Короче, на все забей!

— Слышу. Но думать буду — прости. Да, Маруся! Бабушке позвони, сегодня и завтра, не забудь, ты меня слышишь?

— Слышу, — недовольно буркнула дочь. — Как же, забудешь! Бабушка тут же напомнит!

Последнюю фразу Лиза оставила без комментариев — бесполезно. Бабушка и внучка расходились по многим вопросам. «Теряется связь поколений», как говорила умная Дашка.

— И еще, — взмолилась Лиза, — Мань, чтоб без погромов. Чтоб все культурненько, слышишь?

— Мам, хватит, а? — Маруся почти обиделась. — Когда это, интересно, были погромы?

— Всегда, — грустно ответила Лиза.

Хмыкнув, Маруся припечатала:

— Ага! Мам, ну ты в старости стала как бабушка, просто один в один. — И тут же разъединилась.

«В старости! Вот же засранка! Не дождетесь! Я вам еще покажу! И я, между прочим... невеста!»

В эту минуту к ним подошла еще одна попутчица. Женщина неопределенного возраста, Лиза назвала бы ее так. Есть такие — не поймешь, тридцать, тридцать пять или сорок. А может, и сорок пять.

Ухоженная, модная, одета скромно, но дорого, в этом уж Лиза разбиралась прекрасно. Новая соседка была немного полновата — совсем чуть-чуть, пара лишних кило, — слегка и умело подкрашена, на красивых, ухоженных руках неброский маникюр. На ней были легкие серые льняные брюки и черный шелковый топик. Скромные серьги в ушах, пара

невзрачных, на первый и неопытный взгляд, колец. Но колечки были от Картье, а серьги от «Шопард». Лизу, рекламщика в глянцево-м журнале, на мякине не проведешь. И часики тоже не отставали — в переносном, конечно же, смысле. Скромные часики тысяч за десять, не меньше, зеленых. Образ завершали черная сумка «Фурла» и черные замшевые туфли. В общем, тонко, со вкусом и явно недешево. Лицо неброское, довольно блеклое, очень бледное, но миловидное. Накрась посильнее — будет красавица. На таких лицах можно нарисовать все что угодно.

Не суетясь, дама уселась и принялась смотреть в окно. «Само спокойствие, сама уверенность, само достоинство, — подумала Лиза. — Чувствуется, что у нее все хорошо. Приятная. С ней точно не будет хлопот, в отличие от Рыжей». И Лиза назвала новую попутчицу Бледной.

А Рыжая ни на минуту не успокаивалась — по-прежнему ерзала тощим задом, яростно тыча короткими пальцами в телефон, строчила бесконечные эсэмэс, что-то бурчала, вздыхала, закатывала глаза и нервно поглядывала на Лизу — видимо, хотела общения. «Ну и бог с ней, — подумала Лиза и закрыла глаза. — Вот что-что, а общаться мне точно не хочется».

Мысли тут же полезли, как из рога изобилия. Конечно же, милая дочь, как всегда, соберет

большую компанию. Нет, Лиза все понимает — когда мама уезжала на гастроли, она тут же приглашала народ. Молодость, бьющие фонтаном силы, жажда общения. Только бы убрали за собой и не валялись на моей кровати. Но понимала, что все будет ровно наоборот.

А как мечталось отключиться и ни о чем не думать — ни о компании Марусиных друзей, ни о Дашке, кажется, впавшей в депрессию, ни о маме, постоянно жалующейся на скрипача и болячки, ни о работе и проваленных переговорах — с французами всегда тяжело. Лиза вспомнила и усмехнулась: «А правильно сказала Рыжая: как все задрали!» Вот бы отключить голову, выключить тумблер на пару часов. Но голову, как телефон или плиту, не отключишь. И мысли лезли, толкались, опережая друг друга, насакивали и отскакивали, как резиновые мячики, и снова набегали, словно прибрежная волна.

«Подремать бы, — с тоской подумала Лиза. — Но вряд ли получится».

Денис. Да, Денис. Несомненная, по словам Соньки и мамы, удача. Самая большая удача в Лизиной жизни. Удача, с этим не поспоришь — в сорок пять встретить молодого, симпатичного, успешного да и к тому же разведенного, свободного мужчину. Любая женщина мечтала бы оказаться на ее месте. И она это понимает. Только вот...

«Все, все, хватит. Хватит привередничать, вредничать и ворчать. Сонька права, ты счастливица. Нам остались или старики, чтоб судно через лет пять, или молодые альфонсы — так, для здоровья. Ну и последний вариант — женатые. Трусоватые женатики, осторожные до тошноты — все по часам, по строгому расписанию. В отпуск только с семьей, деньги считаны-пересчитаны — в общем, одно унижение и вечное ожидание телефонных звонков и скупых сообщений в мессенджерах».

С Денисом было все по-другому: из питерской интеллигенции, хорош собой, не богач, но зарабатывает. Машинка, конечно, скромная, костюмы не от Ральфа Лорена, пятизвездных отелей не жди, бриллиантов тоже. Но это не главное, верно?

«Тебя любят и тебе сделали предложение, Лизон, почти в сорок пять! Ты вообще это осознаешь?» — восклицала темпераментная Сонька. Дашка, осторожно поглядывая на Лизу, ничего не комментировала. Скажи слово против — Сонька сожрет! Да и мама была от Дениса в восторге: «Какой мужчина! Красавец! А вежливый, обходительный! Не то что твой Лукьянов — уж извини». Леньку, бывшего Лизиного мужа и Маруськиного отца, мама не любила. А Лиза любила. Да как — столбенела, замирала, когда он к ней прикасался. Слышала его голос, и сердце начинало биться как бе-

шеное. Целовала его и дрожала. Как они были счастливы первые годы! Молодые, неопытные дурни. Все промотали, все растранижирили, все разбазарили, все. И любовь свою неземную, и нежность, и страсть. Через семь лет ничего не осталось — как не было! Ни-че-го! Зато в избытке было претензий, недовольств, взаимных обид и скандалов. Как они орали друг на друга! Кошмар. Сколько наговорили друг другу гадостей, как оскорбляли друг друга! Лиза не узнавала себя — как я могла? Как мог он, ее Ленька? Как они могли разменять, растерять, уничтожить? Истоптать и зарыть — как?

«Мы рано встретились, — спустя много лет говорила Лиза. — Если бы были чуть опытнее, чуть старше, смогли бы ценить то, что имеем».

Но было как было, и, устав от бесконечных скандалов, Лиза твердо решила развестись. Казалось, что впереди еще столько всего — ого-го! Она еще молода и наверняка устроит свою жизнь, еще полюбит и будет счастлива. А эти изжеванные отношения — к чему их беречь? Выкинуть, как сухую корку от выжатого лимона, от которой на пальцах остается одна горечь.

Ленька не возражал — согласился так быстро, что она удивилась. В общем, развелись.

Ленькино благородство не знало границ. Как бы ни убивалась свекровь — и ее можно было понять, — квартиру он оставил жене и

дочери. Маруська, дочка и внучка, — вот главный Ленькин аргумент. И свекровь, обожавшая Маруську, смирилась. Смирилась, но не уставала повторять и напоминать бывшей невестке о Ленькином благородстве.

Четыре года он приходил к Маруське, и, уложив дочку, они шли пить чай и принимались говорить обо всем и ни о чем, как будто по-прежнему вместе.

Неужели еще друг друга любили? Да нет, вряд ли. Ленька давно жил в гражданском браке, а Лиза наслаждалась свободой, покоем и тишиной.

На выходные Маруську разбирали бабушки, и Лиза балдела одна. Приезжали девчонки, Сонька и Дашка, готовили салаттики, пили винцо и болтали о жизни. Молодые, здоровые, полные сил и надежд.

После тридцати пяти Лиза поняла, что не все так радужно — кавалеры-то были, а вот серьезные отношения почему-то не складывались.

Да и она не хотела.

А уж после десяти лет свободы о замужестве и вовсе думать перестала — сколько сейчас таких, как она: стройных, красивых, ухоженных, модных, хорошо зарабатывающих и плотно стоящих на стройных ногах? Миллионы. И все одиноки. Точнее — не замужем.

Маруська дружила с отцом, у которого в новом браке было два сына. Бывший муж никог-

да от Лизы и Маруськи не отказывался, всегда помогал, с его новой женой у дочки отношения сложились, и она часто гостила в новой семье.

Мама по-прежнему жаловалась на мужа, скрипач старел, дряхлел и день ото дня становился все капризнее и занудливее.

Лиза, устав от маминых жалоб, предлагала ей развестись:

— Зачем он тебе, какая от него радость? Бегаешь кругами, подаешь, убираешь, а он с кривой мордой. Да гони его в шею!

Мама плакала и отвечала одно и то же:

— Ой, да ладно тебе! Все мужики одинаковые, особенно в старости — спроси кого хочешь! Все ноют, все жалуются и все треплют нервы — не я, Лиза, первая и не я последняя! С кем ни поговорю — у всех одно и то же! — И мама принималась перечислять подруг и знакомых.

— Тебя это утешает? — возмущалась дочь. — Тогда терпи. Терпи и не жалуйся.

— Как ты не понимаешь, Лиза, — обижалась мать. — Женское одиночество — страшное дело. Особенно в старости. У вас, у детей, своя жизнь, и это нормально. А нам? Что останется нам? Морочить вам голову, отвлекать вас от дел? Одной, Лиза, невыносимо! Женщина должна о ком-то заботиться.

— Заведи собаку, — не соглашалась Лиза. — С ней будет меньше хлопот и больше радости, точно тебе говорю.

Почти неделю не разговаривали, мама крепко обиделась. Потом, конечно, простила.

Одиночество — страшное дело? Вот этого Лиза не замечала, ей-богу! Какое там «страшное дело»? Вот ей — нет, правда, — ей просто отлично. Дочка, работа, подруги. Гордость, что может сама себя содержать. Себя и дочь. Путешествия, посиделки в кафе, театры, прогулки — чем плохо? Как она может жаловаться на жизнь? У нее все сложилось. Но главное — у нее есть свобода. А что называется «для здоровья» — так это только стоит захотеть. Она еще ого-го!

Опоздавшая соседка дремала.

По вагону поплыл запах кофе. Сглотнув слюну, Лиза открыла глаза — так и есть, проводницы медленно катили тележку с едой. Впрочем, разве это еда — так, перекус.

Плотно, как в корсет, затянутые в прозрачную пленку сэндвичи — многослойные треугольнички ватного хлеба, проложенные соленой семгой, бледной ветчиной или сыром, лист салата, пару кружков помидоров, маринованный огурец и майонез. Шоколадки, панкейки, вафли, орешки. Напитки и кофе — это самое главное. Лиза была кофеманкой.

«Перекушу, а уж вечером посидим в нормальном месте. Сама виновата, взяла бы пирожки из столовой, они там отличные. И уж

точно лучше этих дорогих и безвкусных сэндвичей».

И Лиза стала искать кошелек.

Сумка, огромный, бездонный баул, была черной дырой. Как смеялся Денис, найти в ней можно все, от шляпной булавки до осколка метеорита. Кошелек, как всегда, успешно прятался. Тем временем Рыжая закряхтела, зашевелилась. Потянуло запахом пота — она стягивала с верхней полки огромную сумку. Долго копалась, и в конце концов на столике выстроились пакеты и контейнеры, восхитительно пахнувшие домашней едой.

Ловко и быстро распотрошив их, соседка посмотрела на Лизу. Та, забыв про кошелек, с удивлением уставилась на яства. В плоской одноразовой миске лежал распластанный, словно распятый, цыпленок табака, дразня золотистой прожаренной корочкой и восхитительным запахом чеснока. Салат из редиски, огурца и яиц, заправленный сметаной, Лизин любимый. Маленькие, загорелые, размером с крупный пельмень, пирожки. «Ничего себе, а? Как серьезно человек относится к еде, не то что я», — подумала Лиза

Ловко, привычно, со знанием дела, Рыжая сервировала стол. Проснулась вторая соседка и так же, как Лиза, уставилась на еду. Они с Лизой переглянулись.

Тележка остановилась возле их кресел.

— С лососем? — переспросила проводница. — И кофе? Черный или со сливками? Что-нибудь еще? Бутылку воды? С газом, без?

Пока Лиза думала, какую брать воду, Рыжая толкнула ее в бок:

— Эй, ты чего! Это говно, — кивок в сторону передвижного буфета, — будешь жрать? Да за такие деньги? Ты что, офигела?

Остолбнев, Лиза буквально лишилась дара речи.

— Брось! — продолжала Рыжая. — Смотри, сколько еды. Как раз на троих. Зря я, как думаешь?

— Спасибо, — выдавила смущенная Лиза. — Но с какой стати? Да и вообще...

— Кончай выпендриваться, — энергично сказала Рыжая. — Одна не потяну, а вот вместе! Глянь, какая цыпа — загляденье! С утра поджарила! А пирожки? С картошкой и с мясом! Вкуснота! Нет, я себя не нахваляю, но пирожки у меня получаются! Давай, *присовокупляйся!* — видя Лизино смущение, повторила она и, бросив взгляд на Бледную, кивнула: — И вы, женщина! Хорош, бабы, смущаться!

Фыркнув и порозовев от смущения, Бледная отказалась:

— Большое спасибо, я сыта. Поела перед поездом.

Рыжая пожала плечом:

— Дело хозяйское!

Растерянная Лиза мяла в руках тысячную купюру, пытаясь отдать проводнице деньги и получить свой заказ.

— Проезжайте, девушка, — обратилась Рыжая к проводнице. — Люди-то ждут!

Лиза откинулась на сиденье. «Бесцеремонность. Простота, которая хуже воровства. Нет, я понимаю, она от чистого сердца! Но нельзя же так, танком, на взрослых людей. Куда там маме — той еще учиться! Неужели я в свои сорок пять не имею права решать, что мне нужно?»

Но есть очень хотелось. Броситься за передвижным буфетом и взять себе сэндвич? Неловко. Остаться голодной — начнет болеть голова. Вспомнились обычные мамины слова: «Ты, Лиза, только с виду такая шустрая, а на деле...»

Мама права. На деле она была полной тряпкой.

Сонька с недоумением восклицала:

— Как ты, Лизон, вообще работаешь, как тебя до сих пор не сожрали! Ты же не можешь за себя постоять!

Лиза смеялась:

— Просто я хороший работник!

— Лизка — человек интеллигентный, тебе, Соня, этого не понять, — вредничала Дашка.

Да, это было, было — всегда боялась кого-то обидеть, задеть, ненавидела сплетни, интриги

и никогда не принимала в них участия. Знала, понимала — надо быть жестче. Такой нынче мир — не ты, так тебя.

Да, красивая, современная и успешная женщина — подумаешь, прежде чем подойти. Но в душе — а Лиза все про себя понимала, — в душе она по-прежнему оставалась робкой и вечно сомневающейся маленькой девочкой.

— Ну что застыла? — подала голос Рыжая. — Давай налетай!

И Лиза, проговорив «спасибо», принялась за еду.

Цыпленок был так хорош, что она не удержалась и вслед за хрустящим крылышком взяла кусок грудки. И любимый салат был превосходным — со свежей, густой, наверняка рыночной сметаной. А пирожки! Лиза не помнила, ела ли она когда-нибудь что-то подобное!

— Это вы сами? Ну все это... — с набитым ртом спросила она.

Рыжая довольно кивнула:

— Понравилось? Я же тебе говорила! Конечно, сама. Прислуги у меня нет, не по рангу.

Лиза восхищенно проговорила:

— Это что-то, честно! У меня бабушка прекрасно пекла, но чтобы так! Вы талант, не иначе.

— Да брось, — усмехнулась Рыжая. — Какой там талант? Что тут делать вообще? Куренка утюгом придавить, огурцы с редиской

нарезать? А вот про пирожки ты права. Мама научила. Она у меня поваром в ресторане работала. Давно, в советские времена. И мамы уж нет, как нет и советских времен. Эх, жизнь...

— По советским временам тоскуете? — с поддевкой спросила Бледная и усмехнулась: — Ну-ну!

— Ага, тоскую. А что тут такого? И ничего в этом не вижу плохого. Ведь как было: езжай куда хочешь — страна огромная. Ни виз тебе, ничего. Медицина бесплатная. Образование тоже. И самое лучшее, надо сказать, образование. Но главное — все друг друга любили... — вздохнула она. — В гости ходили, к себе приглашали. И детский сад стоил копейки. А там и завтрак, и обед, и полдник, и музыкальные занятия, и физкультура. А пионерлагеря? Что в этом-то плохого? В лес ходили, на костер. Танцы, кино, кружки всякие. И родители были спокойны — дети присмотрены и накормлены. И билет в кино стоил десять копеек, а пирожное с газировкой еще двадцать. И во дворах все гуляли и никого не боялись!

Усмехаясь уголками рта, Бледная в дискуссию не вступала. Уже хорошо. Лиза боялась конфликтов и споров. Она поспешила закрыть тему:

— Да ладно, что спорить. И тогда было много хорошего, и сейчас. Ну и вообще, девочки,

о чем мы? Три молодые красивые женщины — и про политику. Как бабки, ей-богу!

— А никто и не спорит, — усмехнулась Бледная, — вот еще!

— И правильно, не спорь! — кивнула Рыжая. — Бесполезно. Все равно я права.

Ничего не ответив, Бледная заерзала на сиденье. На ее гладком, ухоженном лице были написаны презрение и раздражение.

«Молодец, что тему не развила, — подумала Лиза. — С этой Рыжей спорить точно не надо!»

Тем временем та снова полезла в сумку и вытащила термос.

— А теперь, девки, по кофейку! С утра сварила, еще горячий. Настоящий, из Италии привезла. Не то что ихняя бурда. — Отвинтив крышку термоса, она блаженно прикрыла глаза. Из термоса, вместе с парком, вырвался восхитительный аромат хорошего кофе. «Ого, из Италии! — удивилась Лиза. — А не подумаешь! Посмотришь и скажешь, что, кроме Тамбова, она нигде не была».

Налив себе и Лизе, Рыжая кивнула Бледной:

— Давай, подтягивайся! Есть не хочешь, хотя бы попей!

Лиза видела, что Бледной хотелось и цыпленка, и пирожков — пару раз она кидала взгляды на накрытый стол, но тут же отворачивалась. «Гордая, не то что я, — подумала

Лиза. — Гордая и стойкая. А мне всегда неудобно отказать».

А вот от кофе, настоящего, терпкого, отказать сил не нашлось.

— Большое спасибо, — с достоинством кивнула Бледная, протянув пластиковый стакан.

Тем временем, хитро подмигнув и оглядываясь, Рыжая вытащила из своей необъятной сумки бутылку коньяка.

— Ну чё, девки? Под кофеек?

Лиза и Бледная растерянно переглянулись. Выпить, чтобы расслабиться? А что, дело. Только как-то неудобно, снова халява. Встрепенувшись, Лиза вспомнила про шоколадку и полезла в баул — хотя бы так. Рыжая разлила по стаканам коньяк.

— За наше бабское счастье, — проговорила она.

Выпили молча. Коньяк быстро растекся по внутренностям, и Лиза почувствовала, как вечная тревога и беспокойство слегка отпускают.

Не выдержав, Бледная смущенно потянулась за пирожком:

— Можно? Простите.

Рыжая, женщина хлебосольная и простодушная, с готовностью пододвинула ей пакет:

— Давно пора. Чего выпендриваться!

Надкусив, Бледная закатила глаза:

— Боже, как вкусно!

Рыжая довольно усмехнулась:

— А ты что думала?

— Нет, правда! Я такого не ела. Рецепт поделитесь?

— Запросто! — Было видно, что Рыжая довольна. — Да чем тут делиться? Обычное дрожжевое тесто, все как всегда! Только раскатываешь тоненько-тоненько и начинки кладешь много. Не жалея, не скупись, как говорила моя мама, тогда и результат налицо.

— Невероятно! — Бледная все никак не могла успокоиться. — И все-таки можно подробнее? Я запишу.

— Валяй! Только я повторяю — все, как обычно! Дрожжи разведи в молоке, лучше, конечно, живые, а не сухие. Масло хорошее, не маргарин. Ну и по списку. Ты что, пирогов не пекла?

— Нет, не пекла — не пришлось, — призналась Бледная.

Рыжая не смогла скрыть удивления:

— А рецепт тебе на что? Если не пришлось, так уже не придется. А вообще как это «не пришлось»? А чего пришлось-то? Ты семейная?

— Семейная, — улыбнулась Бледная. — А не пришлось, потому что сначала мама готовила, а потом, — она смутилась, — кафе, рестораны. А дальше — помощница. Нет, что-то я, конечно, умею. Суп там, котлеты. Но, если честно, без изысков.

— А-а, помощница, — протянула Рыжая. — Прислуга, в смысле? Ну тогда все понятно.

Порозовев и, кажется, смутившись. Бледная подтвердила:

— Ну да. — И повторила: — Помощница.

— Ясно, — не скрывая осуждения, вздохнула Рыжая, разливая коньяк. — За детей, а, девки? Пусть они будут здоровы!

Все дружно чокнулись.

Звякнула эсэмэска — Лиза полезла в сумку. Денис.

«Любимая, как ты? Что проезжаете? Ровно в четыре уйду с работы, и в половине пятого я на вокзале. Соскучился страшно. Но через три часа заключу тебя в объятия. Надеюсь дожить!»

И три смайлика — один грустный, со слезой, второй со слезой, но веселый и третий с сердечком. Все, как обычно. Лиза ответила смайликом с поцелуем.

Как все предсказуемо! Все его сообщения как близнецы-братья: слово в слово, буква в букву, смайлик в смайлик.

Тоскливо заныло сердце. Положительный герой. Да, все правы: и мама, и Сонька, и даже Дашка, которая тоже считала, что Денис — отличная партия. Да и как с этим очевидным фактом не согласиться? Любовь, конечно, главное, но отрицать очевидное? И при этом, Лиза, не надо забывать — возраст, чтоб его.

Дашка не Сонька. У той были твердые убеждения: мужик должен крепко стоять на зем-

ле. Мужик обязан обеспечивать семью. Мужу полагается брать на себя ответственность. Мужик должен, мужик обязан, мужу полагается. А любовь? Ну если еще и это, то хорошо. Любовь стояла у Соньки на последнем месте как бонус, как неожиданный презент.

Дашка считала, что тем самым Сонька утешает и оправдывает себя, и упрямо ждала любви, не идя даже на малые компромиссы. А Сонька смеялась:

— Какая любовь, идиотки? Тем более в наши почтенные годы! Жизнь надо *устраивать*! Жизнь! Чтобы поддержка была, уверенность в завтрашнем дне! Чтобы мужик отвечал — за тебя, за детей, за бюджет. Поэтому и сидите в жопе, идеалистки! Ну-ну, сидите, сидите! Все уже просидели. Дырку в стуле просидели. — И Сонька, как мельница, махала руками: дескать, о чем говорить с этими дурами?

Тут вступала Лиза — осторожно вступала, зная Сонькин характер:

— А спать с нелюбимым? А обнимать его, целовать? А духовная близость и общность взглядов?

Бросив на Лизу короткий, но говорящий взгляд — ну с кем ты вступаешь в дискуссию? — Дашка уходила курить. А страстный Сонькин монолог продолжался:

— Тебе сколько? — задавала она Лизе вопрос. На который отлично знала ответ. — Почти со-

рок пять, я не ошиблась? Какая духовность и общность взглядов? Думаешь, ты вообще будешь с ним говорить? Ага, как же! Нет, будешь, конечно — о предстоящем отпуске, о детях, родителях. О покупках, например, о новом диване. В общем, о всякой херне. Ты мне поверь, я всю жизнь замужем, детка! А про духовность... Ой, Лиз! Ты что думаешь, мы с Гагиком говорим о прочитанном? — И Сонька звонко рассмеялась. — А он вообще читает, мой муж? Он детективы дурацкие смотрит и с Анькой в приставку режется! Так что про общность взглядов — я тебя умоляю! Знаешь... — Вдруг Сонька стала серьезной. — Я вообще не понимаю, что у него в голове. Замуж вышла совсем дурочкой. Сразу родила, потом опять. Мы особо не ругаемся и не спорим. Ты знаешь, что Гагик заботливый, все для семьи. И мне ничего не жалеет — покупай, что хочешь! Квартира, дом, прислуга — все у меня есть, и всего вдоволь. А мне, Лизка, — грустно усмехнулась она, — уже ничего и не хочется. Нет у меня ни желаний, ни мечтаний. Понимаешь? Так вот что я думаю, — продолжала Сонька. — Это, наверное, и есть правильная семья — когда без страстей и без драм, когда я могу на него положиться и точно знаю, что он нас не предаст. Я не про баб — ради бога, не жалко. Есть они у него или нет, я не парюсь, потому что точно знаю — детей и семью он не бросит. А все остальное — фигня.

Лиза не стала возражать:

– Ты права, Сонька. Но у всех же по-разному. Леньку я очень любила, а мы разошлись. А ты... В общем, от страсти ты не сгорала, но живете вы прекрасно.

Денис появился в Лизиной жизни три года назад. Познакомились они в Риге, в гостинице. Лиза была в командировке, на переговорах со знаменитой Рижской парфюмерной фабрикой, Денис тоже приехал в Латвию по делам. Видела, как на завтрак он поглядывает в ее сторону. Хмыкнула: «Подумаешь! Нет, мужик вполне симпатичный, но что с того?» А вообще-то было приятно.

Вечером решила пройтись по Старому городу. Надела кроссовки, джинсы, ветровку – как же осточертели все эти офисные костюмы, деловые блузки и каблуки!

Выпорхнув на улицу, почувствовала себя молодой и свободной. Закрапал дождик, и Лиза раскрыла зонт. Шаталась по улочкам Старой Риги и разглядывала витрины. Маленькие магазинчики торговали сувенирами и янтарем. Красиво. Янтарь как мед – теплый, живой. Но купить себе Лиза не решилась – не ее стиль, совсем не ее. Ей шли маленькие золотые сережки, узкие, тоненькие колечки и легкие, изящные, невесомые браслеты. Разве что маме? У мамы тоже тонкое, изящное запя-

стве. Массивный браслет точно ей не пойдет. Кольцо — тоже вряд ли. И бусы мама не носит.

Все же Лиза зашла посмотреть. Толкнула дверь, звякнул колокольчик, и она увидела давешнего соседа по столику — тот стоял у прилавка. И ей почему-то стало безумно интересно, что покупает этот высокий, светлоглазый, симпатичный мужик.

Умело раскладывая товар: браслеты, серьги, колечки и бусы, — мило улыбаясь, старательно хлопотала молодая хорошенькая продавщица.

Мужчина был явно растерян. Он обернулся на звон колокольчика и увидел Лизу. Широко улыбнувшись, поздоровался и немного смутился:

— Вот... выбираю подарок сестре. На юбилей. Но... совсем растерялся... Вы мне не можете?

От неожиданности и Лиза растерялась и глупо переспросила:

— Кто? Я?

Вопрос был детским, дурацким, и она тут же взяла себя в руки.

— Ну конечно. Чем, как говорится, могу. Хотя вкусы у всех разные, да и вам виднее. Ну и потом, — растерянно протянула она, перебирая браслеты и бусы, — надо понимать, что человеку идет и что ему нравится. Вот мне, например, — чуть запнувшись, она глянула на

него, — мне нравится янтарь. Но носить его я не буду. Это камень не мой.

Увидев, что ей нашли замену, продавщица фыркнула и отошла в сторону.

А Лиза все еще сомневалась: как советовать, когда не знаешь человека и его вкус? Встрепенувшись, новый знакомец достал телефон.

— Вот она, моя дорогая сестрица. Женщина крупная, почти с меня ростом. Ну и вообще... большая. И носит все крупное, броское. И правильно — мелкое на ней незаметно.

Лиза мельком взглянула на фотографию: действительно сестра, они были очень похожи.

— Теперь вы упростили задачу, — улыбнулась Лиза. — Стало куда проще.

Минут через двадцать они наконец выбрали крупный браслет и такие же бусы. Выйдя на улицу, с наслаждением вдохнули свежий воздух — после дождя неожиданно потеплело, и показалось, что повеяло морем.

Но море и Юрмала были на следующий день, а в тот вечер они долго сидели в кафе, пили кофе со знаменитым рижским бальзамом, снова бродили по Старому городу. Проголодались, присели в кафе, съели горячую пиццу и только потом побрели в свою гостиницу. Лиза поймала себя на мысли, что говорить можно с ним обо всем — о работе и о политике, о дочке и маме, о погоде и сувенирах —

словом, темы они не искали. С Денисом было приятно разговаривать и не тягостно молчать.

Оказалось, что он коренной петербуржец, из очень интеллигентной семьи: папа — профессор-онколог, мама — преподаватель в Репинке. Сестра, которой и выбирали подарок, пошла по стопам отца. А Денис ни по чьим стопам не пошел и, окончив экономический, работал в большой иностранной рекламной компании.

Он рассказал, что был женат и что в разводе давно, почти пять лет, но отношения с бывшей женой сохранил хорошие, есть дочка, и они берегут ее нервы.

Лиза рассказала, что у нее тоже есть дочь, с мужем развелись сто лет назад — брак был незрелым, студенческим, с весьма предсказуемым концом. Но это все давно пережито, и отношения с бывшим тоже хорошие.

Через день она уезжала.

И накануне отъезда любимая Юрмала — пепельный влажный песок, жемчужно-серое море и низкие кривые раскидистые сосны. И оглушительная тишина — туристический сезон давно кончился.

К обеду пошел дождь, нахрапистый и нахальный, и они пережидали его в уютном кафе. Она поймала себя на мысли, что он совершенно не раздражает ее, а такое бывало

нечасто. Он корректен и не задает лишних вопросов, к тому же прекрасно воспитан, ну и вообще, как поется в известной песне, «он тот, кто надо!».

Назавтра Денис проводил Лизу на вокзал и не ушел, пока поезд не тронулся.

Она смотрела на него сквозь мокрое, в подтеках от дождя, стекло и думала, что ей не хочется с ним расставаться. «Хорошо бы влюбиться, — подумала Лиза. — Ах как красиво: роман Москва — Петербург!» Это означало поездки друг к другу на выходные, встречи в гостиницах — никаких квартир, никаких борщей и котлет, никаких грязных носков и рубашек, — только ужины в уютных кафе, прогулки, театры. Никакой рутины, повседневности и обыденности — вот этого ей точно не надо! Она заслужила маленькие, уютные, тихие праздники. В общем, сплошная романтика!

Денис покажет ей Питер, и она в долгу не останется — покажет ему родную Москву. Оба свободны, их совесть чиста, они никому не делают больно. Ну и вообще, они из одной песочницы, а это самое главное — у нее было время в этом убедиться.

Так начался их роман.

Постановили: одну неделю приезжает он, в следующие выходные она.

Пару раз Денис останавливался в гостиницах, но Лизе отчего-то становилось неловко, и в один из приездов она пригласила к себе. Так и повелось — счастливая Маруся съезжала к подружкам, а Денис приезжал к Лизе.

Как часто бывает с питерцами, столицу он не любил и слегка презирал — деревня, купечество, дешевый размах, показная широта. В общем, все на понтах.

Она смеялась:

— Ну поехали! Запели свои песни! Ария питерского гостя!

Арбат Денис называл искусственным, показным, «интуристским», как грубо намалеванная матрешка. И Лизино любимое Замоскворечье впечатления не произвело.

— А что в нем такого? Ну домики, ну палисадники. Ничего особенного, все скромно и, кстати, довольно провинциально.

Она обижалась:

— Это у вас снобство и презрение. Вы всегда москвичей считали ниже себя! Как же, вы выросли в культурной столице! Где уж нам, потомкам купцов и мещан!

Он смеялся и обещал Москву полюбить:

— Лиза, ради тебя!

Лиза хмурилась и говорила, что Москва не нуждается в его любви и ее отсутствие точно переживет!

В общем, вели себя как малые дети. Вернее, она вела себя как ребенок. Кокетничала? Наверное. Ей хотелось побыть капризной маленькой девочкой.

А в целом все было прекрасно.

Денис не раздражал ее, не утомлял, не капризничал и не занудствовал.

Все это она очень ценила и все-таки чувствовала облегчение, когда он уезжал.

— Ты просто привыкла к одиночеству и к жизни в бабьем царстве! — кричала Сонька. — Тебя будет раздражать любой, самый святой и щедрый мужик! Ты вообще отвыкла от них.

— Он меня не раздражает, — вяло отбивалась Лиза. — Но мне, наверное, все-таки лучше одной.

Питер, как хорошо воспитанный человек, всегда оставался для нее спокойным, выдержанным, вежливым. Она чувствовала себя гостем, а гость, как известно, расслабляется и отдыхает.

Кстати, она всегда просила гостиницу — нет, разумеется, Денис приглашал ее к себе и даже настаивал, чтобы она останавливалась у него. Но ей не хотелось. Она мечтала остаться свободной и подольше сохранить романтику.

Так и повелось. Денис встречал ее на Московском, и они ехали в гостиницу, маленькую и уютную, к которой Лиза очень скоро прикипела всей душой и даже почувствовала

себя почти как дома. Через полгода, получив хорошую скидку, она попросила оставлять за ней один и тот же номер. Ей, конечно же, не отказали.

В гостинице она принимала душ, передевалась — Денис ждал ее в крохотном лобби, — и они выходили в город. В Питере можно бывать бесконечно. Жизни не хватит, чтобы все увидеть.

У них уже были любимые ресторанчики и кафешки, любимые места в городе, любимые места за городом.

Денис был нежен и обходителен, услужлив и предупредителен — словом, в общем, претензий к нему у Лизы не было.

Правда, пару раз он забывал оплатить гостиницу, но она не стала напоминать. Забыл или проблемы с деньгами — какая разница, он не олигарх, и он ее не обманывал.

Да и букеты его были более чем скромными. Но и это сушая ерунда — она понимала, что поезда и кафе, такси и гостиницы, музеи и театры не всем по карману, и старалась не обращать на мелочи внимания. К тому же она знала, что квартиру Денис оставил бывшей семье и теперь у него ипотека. Так что ждать зафрахтованной яхты, гавайской гитары, номера, усыпанного лепестками роз, и бриллиантового кольца не приходилось. Да и на черта ей это кольцо! Ну и вообще не все способны на

жесты. Есть люди с широким размахом, а есть и другие.

А если прикинуть, то положительного в нем было намного больше, чем отрицательного. Так что смешно говорить про гостиницу.

Что же касается совместного отпуска, то Лиза сама настояла, что свою путевку она оплачивает сама, а кафешки и экскурсии он.

И Денис, недолго раздумывая, согласился.

Перед поездкой он долго копался в интернете, тщательно выбирая рестораны и экскурсионные туры. Почему-то Лизу это раздражало, но она брала себя в руки. Он не ворует и не сидит на нефтяной трубе, он не банкир и не чиновник.

Как-то Лиза поделилась с Сонькой.

Все выслушав, та успокоила Лизу.

— Ну да, жлобоват. Нет размаха. Ну и черт с ним! В конце концов, это не главное. Да и потом, — продолжила она, — ты и сама прекрасно зарабатываешь. К тому же ты у нас гордая и самостоятельная, верно? Вот и успокойся. Должны же быть у человека недостатки.

Однажды Дашка спросила:

— Лизка, а ты его любишь?

Лиза скривилась:

— Дашка, не начинай, умоляю. Тебе надо к Соньке на курсы — она тебе все объяснит, все разложит. И про неземную любовь, и про устройство жизни!

— Мне к Соньке не надо, — отрезала Дашка. — А про любовь... Я все поняла. Но он же хороший, да? Может, полюбишь?

— Может, — задумчиво проговорила Лиза. — Я Леньку очень любила, ты знаешь. Нас как под током трясло. Страсти кипели — и что? Где Ленька, семья и наша любовь? Правда, и возраст тогда был другой, это да. А сейчас, Даш, Сонька права — лотерейный билет, последний вагон. Успею — на старости лет не буду одна. А не успею... В общем, ты поняла. Короче, Даш! Надо успеть. К тому же он и вправду хороший.

И Сонька, и Дашка, и мама, и даже Маруся — все были счастливы за нее и мечтали о скорой свадьбе.

Через полтора года Денис сделал предложение.

Растерявшись, она попробовала отшутиться. Но он был серьезен как никогда.

— Лиза, — в его словах слышался упрек, — это не повод для шуток. Это жизнь, моя и твоя. И знаешь, я больше не хочу разочарований и боли. И поверь, я долго думал! Взвешивал, прикидывал, сравнивал — уж прости! Ну и решил. Мне с тобой хорошо. Очень хорошо и очень комфортно. Тебе, кажется, тоже. Я тебя люблю, хочу и уважаю — три в одном, Лиз. И мне это нравится. — Помолчав, он вымученно улыбнулся: — В общем, жду приговора!

— Спасибо за доверие, — улыбнулась Лиза. — Ты прав по всем пунктам. Нам хорошо вместе. Но, — она помолчала — какое, прости, дурацкое слово «комфортно». Комфортными бывают новые туфли. Или там... платье. Стул, кресло, кровать! А в этом случае ключевое слово другое.

— Да, извини! — Денис окончательно смутился. — Ты права! Довольно дурацкое слово. Дурацкое, но вошедшее в наш обиход. Ты ждешь от меня признания в любви?

Лиза молчала.

— Так вот, Лиза. Я тебя очень люблю.

— Очень? — рассмеялась она. — Прости за тавтологию, но «очень» здесь как-то не очень!

И тут же отругала себя: «Ну что я к нему привязалась? Что вытягиваю из него то, что хочу услышать? Я же всегда говорила, что форма не главное. Он смущен, ему тоже непросто, что ты хочешь? А привязалась ты, матушка, потому что боишься дать ответ. Вот и все объяснение».

— Я люблю тебя именно очень! — Он улыбнулся. — И меня это, в отличие от тебя, совсем не смущает.

Лиза подошла и положила голову ему на грудь.

— Прости, я от смущения, — прошептала она.

— Я тоже, — сказал он примирительно.

А через пару минут разговор перешел в деловую плоскость — оставим эмоции, они взрослые люди и у них куча проблем. Все не так просто. Первое — работа.

— Ты не можешь оставить свою, я не оставлю свою, — перечисляла Лиза. — А поступиться кто-то должен! Второе — Маруська. Она студентка, ей учиться еще два года. Переехать в Питер и перевестись в другой институт? Это вряд ли. Она ни за что не согласится: подружки, кавалеры, Москва. Она взрослая, и не считаться с ней я не имею права. Потом мама. Мама уже пожилая и не очень здоровая. Да, у нее есть муж, но толку от него... Ты ж понимаешь. Как я ее оставлю? У тебя то же самое — родители, работа, дочка. Мы не юнцы, броситься в омут уже не для нас. К тому же мы отвечаем за близких. — Лиза взглянула на Дениса. — Молчишь... И правильно делаешь. Как говорил мой отец, здесь с кондачка не получится. И ты не знаешь, что делать.

В общем, на этом застряли. Никто не хотел, да и, казалось, не мог обрубить прежнюю жизнь и переехать в другой город.

«В конце концов, я замуж не тороплюсь, — думала Лиза. — Хочет — пусть переезжает. А мне и так хорошо».

К этим разговорам они без конца возвращались. А после них были раздражение и даже обиды.

— Из-за любви люди переезжают в другую страну, — повторял Денис.

«Из-за любви, — про себя усмехалась Лиза. — Вот именно: из-за любви». События она не торопила. Ждала, что жизнь сама все разрулит — кстати, так было сто раз! А внутри все равно точило. Решение принимать надо, необходимо. Что за детские игры? Она взрослая женщина, и нечего прятать голову в песок. Пришла пора.

Накануне ее приезда Денис сказал:

— Лиза, милая. Жизнь утекает. Мы не молодеем. В общем, хватит тянуть. Надо устраивать жизнь. Хватить оттягивать и что-то придумывать.

В ответ она опять что-то заканючила, заняла, в сотый раз повторяя, что дело в Маруське и в маме да и в работе — такими заработками не бросаются.

Но он ее перебил:

— Лиза, не надо! Хватит, ей-богу.

Он прав. Объяснить ему, что замуж она не стремится? Что ей и так хорошо? Что ее вполне устраивают их отношения? Что ей неохота гладить рубашки и тушить мясо, без которого они с Маруськой прекрасно обходятся? Что ей, наконец, страшновато?

Что делать? Да, и еще! Если она не готова, то зачем ехать в Питер? Можно все сказать по телефону, так даже проще. Может, что-то

придумать, оттянуть, опять оттянуть? Например, сказать, что она заболела. Хотя, конечно, смешно.

После долгих раздумий все же решила ехать. Побудут два дня вместе, поговорят еще раз, а решение она примет по ходу пьесы — сердце подскажет.

Но на сердце были тоска и тревога.

Никто ей здесь не советчик. Ни мама, ни Сонька, ни даже Дашка.

«Это твое решение, Лиза, — сказала она себе. — Ты давно взрослая девочка».

Звякнуло СМС.

«Осталось чуть меньше трех часов. Время тягуче, как засохший столярный клей. Но совсем скоро я тебя обниму! Чем ты ближе, тем я больше хочу тебя поцеловать. Через два часа выезжаю с работы. Да, и еще! Люблю тебя, ты это знаешь».

«Знаю, — вздохнула Лиза и выключила телефон. — И эсэмэс твои знаю наизусть. И ты — увы — повторяешься, мой дорогой. Мой очень приличный, очень порядочный и очень завидный жених».

— Ой, девки! Пьем, жрем, а даже не познакомились!

Вздрогнув, Лиза вынырнула из своих мыслей.

А правда! И надо сказать, и пьем, и жрем угощение Рыжей!

— Мила, — представилась Бледная.

— Лиза, очень приятно.

— А я Тома, Тамара! — обрадованная Рыжая разливала коньяк по бумажным стаканам. — Ой, девки... — мечтательно протянула она. — Смотришь в окно — и жизнь хороша!

Лиза и Мила переглянулись.

— А на самом деле? — спросила Мила.

— На самом? — нахмурилась Тома. — А на самом деле — говно! У меня точно говно! А у тебя — я не знаю.

Ничего не ответив, Мила отвернулась к окну.

— Разная, — миролюбиво вступила Лиза, — жизнь разная. И хорошая, и плохая — всего вперемешку.

— Рада за тебя, — недобро усмехнулась Тамара и повторила: — А у меня сплошное говно!

— Так не бывает, — попыталась возразить Лиза. — Всегда есть что-то хорошее, радостное. Иначе никак! Не бывает, чтобы совсем без просветов.

— Еще как бывает, — отрезала Тамара. — Говорю из личного опыта!

Мила дернулась и, словно отгораживаясь, подвинулась ближе к окну. В диспут она не вступала. Но Лиза заметила, что она сникла, потухла, расстроилась.

— Да! — с некоторой гордостью продолжила Тома. — У меня без просветов! Ну вот сами смотрите.

«Все предсказуемо, — с тоской подумала Лиза. — Сейчас начнутся пьяные сопли, жалобы на жизнь, проклятия в сторону мужа и детей. Непременно пойдет речь о главной из злодеек — свекрови. Дальше подруга-изменница, ну и так далее! Ох, зря мы подписались на скорую дружбу, зря променяли свободу на пирожки! Только этого мне не хватает. — Мельком глянула на часы. — До Питера около трех часов. А это немало... В общем, пришла расплата за вкусного цыпленка и обалденные пирожки».

— Нет, девки, — настаивала Тамара. — Вот вы послушайте! У меня, девки, свой бизнес — не верите? Вот вам крест! Шубами торгую в Конькове. Начинала все в долг, в девяностые, в самом конце. Думала, если не вытяну — все, мне кранты, порежут на стельки. Время-то было, а? В Грецию эту долбаную моталась, как бобик. Там наторгуешься — до тошноты, до отрыжки. Греков этих возненавидишь. Отберешь, упакуешь, сдашь в багаж. Начинала с пяти, а сейчас все серьезно. Отбираю по каталогам, переговоры по телефону, оплата после доставки — репутация у меня ого-го! Это сейчас у меня павильон большой, в двадцать метров! А раньше? В «Луже» торчали в зной и в холод, убивались из-за пяти долларов. Все себе отморозила, девки, весь первый этаж. Хорошо, что дочка уже была! Потом бы не роди-

ла. Бандюков пережила, рэкет. Ох, и трясли нас эти твари. Последнее отбирали. Помню, сидим, режем с девками. Да что там девки — мужики здоровенные плакали. Всем семьи кормить, все в долгах! Это пока я в Коньково выбралась, на новый, можно сказать, уровень... Короче, все здоровье там, в «Луже», оставила. Вечные долги, вечный страх. За все: за бабки, за товар, за семью. — Она помолчала. — Да ладно, девки, что я разнюнилась?

Лиза молчала. Нет, никаких открытий. Все знали и помнили девяностые. Только ей, слава богу, этого пережить не пришлось — еще был жив папа, мама работала, и ее театр ездил на редкие гастроли.

Да, с продуктами было туго, это она помнит прекрасно. Одно время в Москве не было хлеба, и соседка Ирина Ивановна научилась сама его печь и научила маму. Теплый хлеб был мягким и вкусным, а когда остывал, становился каменным.

Лиза помнила, как мама варила «суп из топора» — картошка, пшено, лук с морковкой. Лиза называла его «грустным супом».

Но ничего, пережили. Отец говорил, что человек такое животное, которое ко всему приспосабливается.

Лиза спокойно окончила школу, поступила в институт, вышла замуж, и все эти ужасы

обошли ее стороной. Дефицит? Да к этому все давно привыкли, подумаешь!

Нахмурившаяся Тамара смотрела в окно.

— Ну все же в прошлом, — поддержала ее Лиза. — Сейчас у вас все хорошо?

— Ага, зашибись, — грустно ответила та. И неуверенно добавила: — Да нет, так все неплохо, наверное. Бизнес идет. Не то чтобы жирую, но в общем справляюсь. Квартира есть, машина тоже. Мир посмотрели — уже хорошо! Разве я, простая девчонка из Королева, могла себе представить, что своими глазами увижу Париж и Мадрид? Что буду плескаться в Средиземном море, есть запеченные мидии и королевские креветки? Да и кто из простых смертных мог это представить? Детство у нас было обычное: сандалии на босу ногу, один сарафан на три сезона, на мороженое еле наскребали! Папка рано погиб, мамка одна тащила меня и двух братьев... Хорошо, что поварихой была, могла что-то вынести, тиснуть... А так бы точно загнулись. Я, когда на ноги встала, маму в Карловы Вары свезла. В самый хороший санаторий — в «Империал», слышали? — Не дожидаясь ответа, продолжила: — Отдыхай, мамка, заслужила! Ванны принимай, прогуливайся по променаду, водичку целебную пей! Наряды себе покупай — бери, что душа пожелает! А она, бедная, стесняется: «Мне, дочуся, ничего не надо, у меня все

есть! А чего нет — значит, не нужно!» Жалела меня, знала, как мне достается. Кто пожалеет, кроме мамки, правильно? А все просто — не привыкла она к хорошему. Не было времени привыкать. Жизнь прожила — мама дорогая! Ничего не видела — одна пахота, что дома, что на работе. На работе тягала котлы неподъемные, а дома снова к плите.

Да и потом все меня жалела — дочка все время болела, ясли, сад. Это в шесть лет мама ее к себе забрала, в Королев. И из-за муженька моего меня жалела — знала, какой он козлице! Жалела и все говорила: «Брось его, Тома, это ж такая ноша! А ты у меня хрупкая, в чем душа держится!» Ага, хрупкая! — Она рассмеялась. — С виду да, доходяга! А так — попробуй согни!

Женщины удрученно молчали.

Осторожно вступила Мила:

— А может, мама права? Ну, если ваш муж...

— Мама, конечно, права! — перебила ее Тамара. — Только при чем тут мама?

Мила, кажется, пожалела, что неосторожно вступила.

— Мой Серега... — Тома задумалась. — Я же в него в восьмом классе влюбилась. Увидела и обмерла. Все, думаю, пропала ты, Томка! И ничего хорошего из этого не выйдет — это же видно и сразу понятно!

— Сразу? — удивилась Лиза. — Прямо так сразу все было понятно?

Тамара кивнула:

— Ага. Ну смотри: первый хулиган в школе. Двоечник и второгодник. Курит и выпивает с шестого класса. Папашка с мамашкой дурные, дерутся — на весь квартал ор стоит. Сестра шалава, с пятнадцати лет под кустами валялась. Но главное, девки! — Глаза у нее заблестели. — Серега — красавчик! Такой, блин, красавчик, что обхохочешься! Роста нет, ноги кривые — чистый кавалерист! У него даже кличка была — Буденный. Морда темная, смуглая, прямо цыган. А глаза желтые, рысьи. Как глянет — сердце в пятки! И смоляной чуб один глаз закрывает. Да, и еще — нет половины зубов — потерял на полях, так сказать, сражений! В общем, Ален Делон королёвского разлива. Но что самое интересное, — оживилась она, — девки от него штабелями! Ей-богу, первые красотки — и туда же, за мной, доходягой: Серенький, Серенький! А он, этот гад, выбрал меня. Все удивлялись: «Ты, Степушкина, никакая, ни рожи, ни кожи. И ни фигуры — костями гремишь». А он как на танцах меня пригласил, то все, девки, я поняла: мне кирдык! Табачищем от него прет, пивом. Потом подванивает. А я, дура, балдею: глаза закрываю и плыву! В золотой лодочке по волшебному озеру. Вот такие мы, бабы, дуры, — грустно заключила она. — И что? Ну добилась я своего, залетела в семнадцать и в загс его потащила. Конечно,

он, гад, упирался: «Куда мне жениться, я что, идиот?» Но женился, уговорила. Слезами пол залила. Потом в армию его забрали — и слава богу, иначе бы сел! А я его жду. Танюшку родила одна, без него, маме подброшу — и к нему, в Пермскую область. Напеку пирожков пять кило, чтобы всех угостить. Курей нажарю — и начальникам, и друзьям. Конфет, пряников, печенья всякого. Курева. И прусь, как тягловая кобыла. А путь неблизкий. Доберусь кое-как, с ног валюсь, а смотрю и млею: «Серенький! Мой Серенький, мой законный!» Идиотка... Фотки Танюшки ему подсовываю, вижу — ему по барабану! Но снова оправдываю — молодой. Сама его женила, никто не просил. Вернулся из армии и загулял. Пил месяца три, шляется и колобродил. По девкам мотался, мне все докладывали. А я одно, как заведенная: «Пусть нагуляется, что он в жизни видел? Пусть отдохнет от казармы». Короче, три года он отдыхал. Я смотрю — морда синяя, глаза безумные, руки трясутся. Ну все, думаю, еще немного — и окочурится, сердце не выдержит. Короче, упаковала его в больничку, подлечила. На работу устроила — я тогда поваром в кафе работала, по маминим стопам. Устроила его к себе, грузчиком, чтоб под глазом. Отмок, в себя пришел, постригла его, одела во все новое — живи, Сережа, и наслаждайся! Только работай, пожалуйста, ну хоть так, для порядка! А то перед

соседями неудобно. И перед мамой. А про-работал он, кажется, месяцев пять. А потом перестройка эта, все кувырком, весь мир перевернулся. Не одна я растерялась — все! Ки-нулись кто куда. Но в основном все торговали. Подружка одна, официантка, меня в Турцию и прихватила. А я его с собой — пусть поможет. Какое! — Тамара махнула рукой. — Искала его по всему Стамбулу. А он, сука, деньги, что я заняла, спер и шлялся по барам, бухал. Дру-зей себе быстро нашел — и вперед! В общем, девки, везла я его на себе. Сумки клетчатые с барахлом и Серенький мой. — Тамара зашлась от хохота. — Ага, на моем хрупком плече! Вы-ходит, что не такое оно и хрупкое, это плечо. Ой, а сколько потом еще было! Слава богу, что половина забылась!

— Ну а сейчас? — резковато спросила Мила. — Сейчас-то вы разошлись?

Покраснев, Тамара дернула плечом:

— С чего это вдруг? Живем. Как можем, так и живем. Но вообще, девки, — она наклонилась вперед, — короче, я поняла! Я мазохистка! Знаете, что это? Ну типа заболевания, что ли! Так меня дочь называет, Танюшка!

Лиза и Мила переглянулись: кажется, у этой хлебосольной Тамары не очень все дома.

А та продолжала:

— Сейчас-то он выглядит совсем по-друго-му — зубы мы вставили, причесочку делаем,

нарядиками не брезгуем — любит хорошие шмотки! Машины хорошие любит, а кто их не любит? — Тамара откинулась на спинку кресла. — Да ладно бы это — не жалко. Он сейчас ничего, прям красавец, ага. Хотя на него и тогда бабы падали, когда еще был без зубов. Есть в нем что-то такое, девки... — Тамара задумалась. — Трудно объяснить... Он мужик. С виду, конечно! А так — пустота. Но с виду — да, не поспоришь... — Вспомнив, она рассмеялась. — Товарка мне одна в Конькове, Лариска, одинокая, на мужиков смотрит, как волк на ягнят, однажды говорит: «Ты, Томка, его поливаешь и поливаешь! Не нужен — отдай!» А я: «Да пожалуйста, забирай! Если, конечно, пойдет!» И эта дура на полном серьезе вцепилась мне в руку: «Правда отдашь? Прям так возьмешь и отдашь?» — «Ага, — говорю. — Забирай! Надоел мне хуже поноса. Бери!» И надо же, эта дура... Все знали, что она дура, но чтобы настолько? Девки вокруг ржут, переглядываются, а эта как заведенная: «Правда отдашь? Нет, ты поклянись!» А я повторяю: «Да бери, блин! Вещи я соберу, не бойсь! Скажу ему прямо сегодня, что он переезжает к тебе! И все, дело в шляпе». Глаза у Лариски загорелись, подбородок дрожит. Мне даже жалко ее стало. Вот, думаю, до чего одиночество баб доводит! Прямо из рук рвут, без стыда и зазрения совести. А у нее на лице написано счастье — неужели до-

ждалась? Шепчет: «Ты, Том, не бойся. Я буду за ним как за сыном родным! Я чистоplotная и готовить умею! И все подам, все уберу!» Смотрю я на нее, и мне страшно. Такая дура или от одиночества? А понять не могу. Тут она мне, как клещ, в плечо вцепилась: «Когда вещи соберешь? Точно сегодня? Ты поклянись! А вдруг передумаешь? Короче, в девять я у тебя, у подъезда, в машине! Успеешь?» И за руку меня, за руку. Так трясет, вот-вот оторвет. Даже подружки мои приутихли. Видят, что дело-то плохо. А девки у нас... На ходу подметки отрежут! Рынок, всего навидались. А здесь поутихли. Глазами то на меня, то на нее. Наташка Кулакова, подружка моя, показывает: типа ты, Томка, поосторожней! Эта, кажется, совсем...

А Лариска все трясет меня, трясет за плечо. И повторяет: «Тамарка, ты поклянись!» И тут я не выдержала — рука разболелась — и ка-а-ак взорвалась: «Ты что, с дуба рухнула? Ты, подруга, совсем ку-ку? Придурашная! В Кащенко тебе прямая дорога! Отдать, говоришь? Поклясться? Ага, счас! Подождешь! Я его, гада, с нуля, с котлована! Все с ним прошла — армию, гулянки, пьянки, баб его чертовых! Одеда, обула, зубы вставила! «Мерседес» купила — новый, между прочим! Внук у нас уже! Внук! Дело к старости, а тут — тебе? Ага, разбежалась. Нет, милая! Так не пойдет! К старости он, может, утихнет, и наконец заживем как нормальные

люди! Отцепись от меня!» И с силой сбросила ее руку. Не руку — клешню! Девки стоят кругом, молчат, как в морге. Тишина воцарилась. Я руку потираю, а Лариска ревет. Плечи трясутся, руки ходуном, и слезы, слезы... Бормочет что-то, слов не разобрать, точно умалишенная. Потом поняла: «Ты, Тома, жестокая! Стерва ты, Тома. Разве можно так шутить, так насмехаться?» Господи, думаю! А она и вправду ку-ку! Зря я так. Зря. И так мне жалко стало эту дуреху. А у нее чисто истерика — икает, и зубы стучат. Наташка моя ее увела, водой напоила, смотрю — уже дымят на улице. Ну значит, успокаивается. А Наташка умная, все объяснит. Моя ведь подружка!

А на душе у меня сплошное, девки, дерьмо! Сил нет, как муторно! Зря я так, зря! И так еще стало за нас, баб, обидно! Прямо до слез! Чтобы так нас довести, а? Одна дура все терпит, а вторая... Вторая готова терпеть! Вторсырье подобрать готова, секонд-хенд! А Лариска вполне симпатичная, стройная такая, длинноногая, ухоженная. Все морду колет, филлеры-шмиллеры. А мужика нет. Ни хорошего, ни плохого... Вот такие, девки, дела.

Помолчали. Что-то вспомнив, Тамара продолжила:

— Мало того, мой гад играть стал. Начал с ипподрома, картишки по-мелкому. А потом подсел на казино. Ох, сколько же там он оста-